

Филиппова Инга Игоревна

ИСТОЧНИК БИОГРАФИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ ОБ АРКАДИИ ПЛАСТОВЕ

В статье публикуются архивные материалы отдела рукописей Государственного Русского музея (г. Санкт-Петербург), касающиеся организации первой и единственной прижизненной персональной выставки Аркадия Пластова в Казани в 1929 году. В переписке Дмитрия Ивановича Архангельского с Петром Евгеньевичем Корниловым содержатся сведения, отражающие отношения между Пластовым и Архангельским, между Корниловым и Пластовым. Переписка между Корниловым и Архангельским велась на протяжении полувека и является уникальным материалом для уточнения сведений о биографии Пластова.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/2-1/53.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (52): в 2-х ч. Ч. I. С. 193-196. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 7.036.1

Искусствоведение

В статье публикуются архивные материалы отдела рукописей Государственного Русского музея (г. Санкт-Петербург), касающиеся организации первой и единственной прижизненной персональной выставки Аркадия Пластова в Казани в 1929 году. В переписке Дмитрия Ивановича Архангельского с Петром Евгеньевичем Корниловым содержатся сведения, отражающие отношения между Пластовым и Архангельским, между Корниловым и Пластовым. Переписка между Корниловым и Архангельским велась на протяжении полувека и является уникальным материалом для уточнения сведений о биографии Пластова.

Ключевые слова и фразы: Пластов; Архангельский; Корнилов; ульяновский художник; Прислониха; Русский музей.

Филиппова Инга Игоревна

*Государственный Русский музей, г. Санкт-Петербург
inrm_fil@mail.ru*

ИСТОЧНИК БИОГРАФИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ ОБ АРКАДИИ ПЛАСТОВЕ[©]

В 1929 году в Казани открылась первая персональная выставка произведений Аркадия Александровича Пластова. Ни ее организаторы, ни сам молодой художник тогда еще не знали, что она станет последней персональной выставкой в жизни будущего академика и Народного художника, проведенной в Советском Союзе (прижизненная персональная выставка Пластова состоялась в Болгарии в 1964 году). Никто не знал и о том, что в огне пожара 1931 г. погибнут практически все экспонируемые на ней произведения.

Открытие выставки совпало с изданием первой книжки о Пластове, написанной Петром Евгеньевичем Корниловым. Самое деятельное участие в комплектовании состава представленных на ней произведений и в работе над текстом брошюры принимал первый учитель Пластова Дмитрий Иванович Архангельский, художник-график, удивительно увлеченный педагог, много лет посвятивший работе с талантливыми детьми Симбирска-Ульяновска. Его графические листы, запечатлевшие виды старого Симбирска, являются богатейшим материалом для исследователей и архитекторов-реставраторов. Архангельский всячески способствовал продвижению своих учеников, в которых верил, поэтому с большим интересом воспринял идею Корнилова о проведении серии выставок художников Поволжья в Казани и издании словаря художников этого региона Советского Союза. Брошюра «Ульяновский художник Аркадий Александрович Пластов» 1929 года выходит в серии «Материалы к словарю художников Поволжья» [2].

Работая в Казанском музее с 1921 года, Корнилов выполнял обязанности научного сотрудника историко-археологического отдела, состоял ученым секретарем, возглавлял музейную библиотеку, занимался созданием в музее отдела древнерусского искусства.

Будучи страстным библиофилом, Корнилов с особой любовью относился к экслибрисам: собирал, изучал, систематизировал. На выставке в Казанском музее в 1922-1923 гг. им было представлено около 270 книжных знаков из собственного собрания. В этой связи и начинается более чем полувековая переписка Корнилова с Архангельским. Обмен экспонатами, пополнение коллекции, новости в области книжной иллюстрации – в центре внимания их корреспонденции 1920-1930-х гг. В письмах Архангельского – множество мелких, казалось бы, малозначительных сведений, которые в совокупности дают ясное представление о художественной жизни далекого от столицы Симбирска, оказавшегося под пристальным вниманием всей страны после 1924 г.

Первое упоминание имени Пластова в письмах Архангельского относится к 1922 г.: «...В Симбирском книгохранилище с 5 по 28 мая была открыта выставка книжного искусства. На ней были выставлены эскизы *exlibris*-ов для книгохранилища местных художников и любителей рисовальщиков.

Один рисунок *exlibris*-а был выбран книгохранилищем для напечатания.

Участвовали в конкурсе:

худ[ожник] Н. Ф. Некрасов – 1 экс

П. С. Добрынин – 12

А. А. Пластов – 3

уч[итель] р[исования] Д. Ив. Архангельский – 8

уч. шк. Шт. С. П. Эйлер – 1

В. М. Зыков – 3...» [5, ед. хр. 54, л. 5].

«...Шлю Вам и для музея отпечаток с моего “*exlibris*”-а. Рисунок сделан моим учеником А. А. Пластовым, окончившим 1917 г. Школу живописи, ваяния и зодчества в Москве. Буквы мои» [Там же, л. 8].

Спустя пять лет Архангельский пишет Корнилову: «...Посылаю Вам несколько рисунков и одну акв[арель] А. Пластова. Пришлю со временем и еще. Для этого надо много и долго искать по моим папкам» [Там же, л. 62]. Корнилов, вероятно, заинтересовался молодым художником, работающим недалеко от Казани, потому что вскоре Архангельский сообщает Корнилову: «Дорогой Петр Евгеньевич, могу Вас обрадовать – Аркадий Пластов был у меня проездом из Москвы. Привез ряд вещей, чтобы я с ним выбрал

для вашей выставки. Мы отобрали, и он их взял немного тронуть. На фоминой неделе он их привезет сюда, и я смогу перебросить вещи к Вам. Одна вещь мне нравится до чрезвычайности – “На московском бульваре”. Прелесть! У меня есть 3 клише с его рис., которые я оч. хотел бы видеть в книжечке “Пластов”. Я просил его также сделать с себя портр[ет] для той же цели. Несколько вещей будет выделено для покрытия расходов, одна вещь специально – устройтелю» [Там же, л. 66].

Весь 1928 год проходит в подготовке к предстоящей выставке. Существенным представляется то, что Корнилов, по-видимому, предлагает Архангельскому взяться за написание статьи, на что Дмитрий Иванович отвечает: «Относительно моей статьи об Аркадии. Я отказываюсь и вот по каким причинам: боюсь быть прислужником. Он для меня существует только как художник – дальше я не хочу ничего видеть.

И в том, что я написал про него, нет ничего про него, как про человека, да это и не предназначается для скорого печатания – не полно и т.д. У Вас 27 г. выйдет оч[ень] хороший – разберете его спокойно, глубоко, тогда и он увидит себя, как надо.

Кроме этого, как только Вы его запросите письмами и расспросами, он откликнется и доставит Вам много материала. Но не смущайтесь, если это будет временами грубовато и некстати» [Там же, л. 72, 73].

Можно предположить, что Корнилову так и не удалось расспросить Пластова и получить непосредственно от него необходимые для статьи сведения, потому что в следующем письме Архангельского изложена краткая биография Аркадия Александровича и некоторые дополнительные к ней материалы: «Дорогой Петр Евгеньевич, посылаю Вам кое-какие материалы о Пластове. Если будете писать о нем, а мне этого оч. хочется, то опустите из его родословной все устаревшее (термины). Жаль что нет ни одной хорошей фотографии – портрета о нем.

Прилагаю список его работ. Название карт[инам] и этюд[ам] дайте сами.

Портреты могут пойти под названием “Прислонцы”. – Это он их так называет.

Все работы Пл. сделаны за 1927-28 г. <...>

Пластов Аркадий Александрович, род. В 1893 г. В с. Прислонихе, Симбирского уезда и губ. (в 6 в[ерстах] От им[ения] и фабр[ики] Языкова).

В 1908 г. Пл[астов] А. А. поступает в Симб[ирскую] дух[овную] семинарию, где окончил в 1912 г. 4 класса.

С 1908 по 12 г. пользовался советами по искусству у Д. Ив. Архангельского.

За этот же промежуток времени 1-2 раза участвовал на выставках в Симб[ирском] трудовом пункте, где препод[авал] по жив[описи] П. И. Пузыревский и А. Н. Остроградский.

Лето 1912 г. Пластов работал у И. Машкова, готовясь к экзамену в Шк[олу] живописи. Экзамен – не сдал и поступил в Стр[огановскую] школу, где работал до 1914 г.

В этом же году Пл[астов] сдал в Шк[олу] живописи на скульптурное отделение. Работал у Волнухина. Оконч[ил] шк[олу] жив[описи] в 1917 г. С этого времени живет у себя в деревне. Зимой 1924 г., как и в настоящее время Пл[астов] живет в Москве. За это время выполнил длинный ряд иллюстраций и обложек для изд. Мириманова и изд. “Знание” и иллюстр[аций] к Чехову и М. Горькому. Иллюстрации помещаются в библиотеке этих пис[ателей] при Рум[янцевском] музее (библ. Ленина).

Из родословной А. А. Пластова. Прадед (Григорий) (священник) Пластова окончил Арзамасскую худ[ожественную] шк[олу]. Дед [вымарано] живописец и строитель многих церквей Симб[ирской] губ[ернии]. Учился живописи у своего отца. Служил псаломщиком в с. Прислонихе, брал подряды по росписи церквей. Отец (Пластова) Александр Пластов подсоблял отцу в качестве подмастерья при живописных работах. Однажды во время работы в куполе на лесах он оступился и упал вниз. Пальто, с которым он свалился, его удержало. Алекс[андр] Пластов побил себе ноги, грудь, руки и долго хворал. Потом он переменил свою профессию – водил плоты по Волге. Во время бури под Симбирском плоты его разметало по берегу. При сборке плотов А[лексан]дру Пластову бревном сдавило (вдавило) грудную клетку. Рабочие вытащили его замертво на берег. Здесь он отошел и был отправлен в больницу. Врачи постепенно выправили ему грудную клетку и поставили на ноги.

Дед вскоре передал ему свое место и Ал[ексан]др Пластов заделался испол[нять] должность псаломщика. Умер он в 1908 г. от истощения.

В 1905 г. на пожаре, после бешеной работы по тушению разгоряченный он выпил холодного квасу и простудил горло. В 1908 г. наступила голодная смерть.

Прадед Аркадия Ал[ександровича] Пл[астова] по (?– прим. автора – И. Ф.) матери (Лентовский) был декабристом и сослан в Сибирь. Дед матери Лейман (нем[ец]) был доктором (неразборчиво – прим. автора – И. Ф.) и сел Симб[ирской] губ[ернии]» [Там же, л. 75, 76]. Именно это письмо легло в основу биографического очерка Корнилова, вышедшего в Казани в 1929 году.

Архангельский со свойственной ему увлеченностью занимается устройством выставки Пластова. Живейшим интересом к работе своего ученика, деятельным участием в его судьбе, наполнены письма и открытки этого времени. «Работы я подготовил для отправки. Выставочный материал оч[ень] значительный по самой сути работ. Вышлю, как только получу жалованье. Все готово» [Там же, л. 77]. «Адрес Аркадия такой – Языков, Улья. окр. с. Прислониха, А. А. Пл. Он сейчас там пробудет от сегодня м.б. еще недели 3, а потом снова в Москву. Напишите ему и относительно того, что он хотел бы и подарить и продать на печатание. Сошлитесь на меня» [Там же, л. 80].

К июню 1929 года книжка «А. Пластов» увидела свет и была разослана многим адресатам Корнилова, среди которых был и Владимир Яковлевич Адариюков: «...В своей книжке о А. А. Пластове, Вы указываете что он иллюстрировал М. Горького и А. П. Чехова. Вы чрезвычайно меня обяжете, если сообщите какие именно произведения и в каких годах? Мне это крайне нужно для работы» [Там же, ед. хр. 6, л. 63].

Между тем, с этого времени в письмах самого Архангельского имя Аркадия Пластова перестает упоминаться.

1929 год для Пластова был отмечен не только открытием выставки в Казани и выходом брошюры Корнилова. Лето этого года Пластов провел под следствием в Симбирском заключении. Об этом эпизоде своей жизни художник не упоминает ни в одной из своих автобиографий, впрочем, как и о выставке в Казани. Свидетельством этого факта является лишь датированная 1929 годом справка о заключении, хранящаяся в архиве семьи художника. По воспоминаниям Николая Николаевича Пластова, внука Аркадия Александровича, произошло следующее: «В Прислониху приехали агитаторы, “рекомендовавшие” крестьянам приобрести трактор. Убеждали долго, аргументировали необходимость появления техники в новой свободной советской деревне. В заключение собрания слово взял Пластов, который сказал: “Вот купим мы трактор, потратим деньги, на которые могли бы купить столько-то лошадей, столько-то зерна и т.д. А он возьмет и сломаётся. Что будем делать? Ни лошадей, ни зерна мы уже не купим. Сорвем посев, будем голодать”. За эту антиагитацию его и “взяли”. Только массовые ходатайства жителей Прислонихи в защиту всеми уважаемого Аркадия Александровича и спасли его»¹.

События 1929 года не нашли отражения в письменных свидетельствах художника, однако для Пластова прошедшая тогда выставка и публикация Корнилова имели большое значение. О нем начали говорить за пределами ульяновского края: «Спасибо за присылку книжки Вашей об ульяновском художнике А. А. Пластове. Художник он, судя по воспроизведениям, очень острый и умелый. Честь Вам и слава, что знакомите нас со всем талантливым и примечательным, что делается в области искусства Поволжья. Связь с местами по-прежнему очень слаба и художники работают очень разрозненно и оторвано друг от друга», – пишет Корнилову Всеволод Владимирович Воинов. В этом же письме он тепло отзывается и о работах Д. И. Архангельского: «На бывшей у нас в ОПХ выставке акварелистов меня очень порадовали работы Д. А. (ошибка Воинова – прим. автора – И. Ф.) Архангельского (я ему писал об этом, – не знаю получил-ли он мое письмо), если будете ему писать, кланяйтесь и повторите это. Акварели его были, безусловно, самые свежие, а, главное, “акварельные” в тесном смысле этого слова; т.е. вполне отвечали основным фактурным законам этой техники» [Там же, ед. хр. 237, л. 40].

Архангельский никогда не прерывает творческой работы, совмещая ее с большой загруженностью в школах, устройством выставок, помогая своим подающим надежды ученикам. Отношение его к Аркадию Александровичу было особым. Еще в 1921 г. Архангельский обращается в Симбирский Губком народного образования с просьбой помочь молодому Пластову, отзываясь о нем, как о художнике «с невероятными лишениями прошедшем московскую художественную школу, много голодавшем в столице... И все-таки он не сдался и не погнулся перед судьбой в поисках художественной правды» [4, с. 29].

После их размолвки 1929 года лишь в 1937-ом Архангельский сообщает Корнилову: «С Аркадием давно подружился снова. Его адрес: Москва, Немчиновка б.б.ж.д. 3 Запрудная, 21. Он идет в гору, пишет интересные вещи из колхозной ж[изни]. Выходят его илл[юстрации] к Г. Успенскому» [5, ед. хр. 54, л. 97].

В последующие годы его внимание к ученику не ослабевает: «Аркадий круто идет в гору. По отношению ко мне по-прежнему вероломен. Ну, это его дело. Его последняя вещь на выставке Красной Армии радует глаз. Сейчас он окончил большую картину “Колхозное стадо”. Сейчас он, вероятно, уже дома в деревне. Поди пишет без устали» [Там же, л. 105]. «Он молодец – работает оч[ень] много и оч[ень] интересно. У него куча творческих планов и материалов к ним» [Там же, ед. хр. 55, л. 8].

Уже после смерти А. А. Пластова, письма Архангельского полны участия в связи с любыми начинаниями, связанными с его именем: «Дорогой мой друг, получил Вашу весточку и догадываюсь, что Вы занялись статьей о Пластове А. А. Шлю Вам его картинку для пополнения. Это меня очень радует, ведь мы были первыми, кто обнародовали его успехи в искусстве и чем могли помогали его продвижению. И теперь всякий раз, когда я вспоминаю или говорю о нем, я очень волнуюсь и столько же раз и плачу... Уж очень все это дорого для меня и поднимает много воспоминаний» [Там же, ед. хр. 57, л. 38]. Высылая Корнилову карандашные портреты Пластова, Дмитрий Иванович комментирует: «Я очень люблю его эти портреты. И вот, что я думаю: если ты решил как-то использовать эти портреты в печати, то хорошо бы, по-моему, тогда упомянуть в этом тексте и о выставке работ А. А. Пластова в Казанском музее» [Там же, л. 43а].

Казанская выставка А. А. Пластова и книжка П. Е. Корнилова 1929 г. были первыми шагами в творчестве мастера, чье искусство вобрало в себя наиболее яркие черты национальной живописной школы. Публикуемые в этой статье письма Д. И. Архангельского П. Е. Корнилову, хранящиеся в отделе рукописей Государственного Русского музея, содержат не только интересные сведения о взаимоотношениях двух увлеченных людей, в них ощущается атмосфера эпохи, в которой они пребывали, творя ее своим подвижничеством.

Список литературы

1. **Аркадий Александрович Пластов:** каталог произведений / сост. Н. М. Августинович, Н. К. Комова, Н. Н. Мазуренко. М.: Советский художник, 1976. 200 с.
2. **Воробьев И. С.** Соцреализм как «третья эстетика» в художественной культуре СССР 1920-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26): в 3-х ч. Ч. 3. С. 45-48.
3. **Корнилов П. Е.** Ульяновский художник Аркадий Александрович Пластов. Казань, 1929. 17 с.

¹ Из личного архива автора статьи.

4. **Олина С. Н.** Образ В. И. Ленина в творчестве А. Пластова // Творчество А. А. Пластова в контексте культуры XX века. Ульяновск, 2004. С. 28-37.
5. **Отдел рукописей Государственного Русского музея.** Ф. 145. Оп. 2.
6. **Пластов А.** Автобиография // Мастера советского изобразительного искусства. Произведения и биографические очерки / сост. П. М. Сысоев и В. А. Шквариков. М.: Искусство, 1951. С. 395-412.

SOURCE OF BIOGRAPHICAL INFORMATION ABOUT ARCADY PLASTOV

Filippova Inga Igorevna
The State Russian Museum, St. Petersburg
inrm_fil@mail.ru

In the article the archival materials of the department of manuscripts of the State Russian Museum (St. Petersburg) concerning the organization of the first and the only one-man exhibition of Arcady Plastov during his lifetime in Kazan in 1929 are published. The correspondence of Dmitrii Ivanovich Arkhangel'skii and Petr Evgen'evich Kornilov contains data, which reflect relationship between Plastov and Arkhangel'skii, between Kornilov and Plastov. This correspondence between Kornilov and Arkhangel'skii was carried on for half a century and it is a unique material for the clarification of information about Plastov's biography.

Key words and phrases: Plastov; Arkhangel'skii; Kornilov; Ulyanovsk artist; Prislonikha; the Russian Museum.

УДК 7.01

Философские науки

В статье рассматривается теория традиции Томаса Стернза Элиота как парадигма онтологии искусства. Новизна вопроса состоит в том, что теория анализируется с эстетических позиций. Автор приходит к выводу, что Элиот понимает традицию как вневременную целостность всех литературных произведений, находящихся в постоянном взаимодействии между собой. Тем самым обосновываются онтологическая независимость и особый темпоральный статус произведений искусства.

Ключевые слова и фразы: теория традиции; чужое слово; онтология искусства; темпоральность искусства; дегуманизация искусства; интертекстуальность; творчество Т. С. Элиота.

Фомин Кирилл Андреевич

Литературный институт имени А. М. Горького, г. Москва
blackline@nightmail.ru

ТЕОРИЯ ТРАДИЦИИ Т. С. ЭЛИОТА КАК ПАРАДИГМА ОНТОЛОГИИ ИСКУССТВА И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ В ПОЭТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ[©]

Томас Стернз Элиот, прежде всего, известен своими выдающимися художественными произведениями. Однако его широкое критическое и теоретическое наследие также оказало значительное влияние на развитие западной критики, литературоведения и эстетики. И, действительно, в определенной мере справедливо замечание, что «практически все семена дальнейшей критики и теории литературы произросли из темного зародыша поэтически выраженных идей Элиота 1920-х и начала 1930-х гг., и более педагогически ориентированной рассады в работах современных ему академиков» [15, р. 382] (*перевод автора – К. Ф.*). Среди широкого многообразия высказанных автором идей, наибольший интерес для теории искусства и эстетики представляет одна из наиболее ранних, комплексных и влиятельных его концепций – теория традиции. Знаменитая концепция Т. С. Элиота неоднократно подвергалась реактуализации и становилась предметом многочисленных исследований и полемики в различных областях гуманитарного знания как западных, так и отечественных исследователей. Особый вклад в анализ данной концепции Элиота в русскоязычном литературоведении внесли А. А. Аствацатуров, Т. Н. Красавченко, А. М. Зверев, Т. Н. Денисова, О. М. Ушакова и многие другие. Тем не менее, несмотря на значимость и возобновляемый интерес к элиотовской теории, она редко подвергалась рассмотрению в качестве самостоятельной эстетической концепции, способной внести значительный вклад в развитие и принцип понимания онтологического статуса искусства.

Концепция литературной традиции была впервые изложена Томасом Стернзом Элиотом в 1919 году в его программной статье «Традиция и индивидуальный талант», опубликованной в журнале «The Egoist» и годом позже включенной в сборник его критических эссе «The Sacred Wood. Essays on Poetry and Criticism». Высказанные в эссе идеи оказали прямое и значительное влияние на становление теоретического основания и художественной практики высокого модернизма, легли в основу течения «новой критики», а также существенно повлияли на общее развитие западной литературоведческой и эстетической мысли XX века, для многих из которых они становились либо фундаментом, либо предметом полемики.